

В.Л. ВАЙНГОРТ

*Доктор экономических наук, член правления
Балтийский институт жилищной экономики и политики, Таллин, Эстония*

УДК 929

СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО АРХИТЕКТОРА И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОЛТАВЫ В 1930—1980-Х ГОДАХ

В статье рассматриваются трансформации городской среды Полтавы, центр которой спроектирован в начале XIX века „малым Петербургом“ (включая здания, монументы, градостроительные решения). Осенью 1943 года отступавшие гитлеровцы полностью уничтожили город. В непростой дискуссии о восстановлении Полтавы возобладала точка зрения её главного архитектора (занимавшего этот пост с 1938 по 1971 год) о воссоздании всех памятников, освободив исторический центр от поздних наслоений (его активно поддержал Фёдор Олейник — главный архитектор восстановления Павловского дворца на тех же принципах). Приоритет исторической памяти сохранялся стараниями того же архитектора при дальнейшей застройке города, особенно в зонах окружавших восстановленные дома-музеи Короленко, Котляревского, Панаса Мирного. Одновременно шло развитие самого архитектора: парня полтавской окраины, выросшего в семье работницы прядильной фабрики, после окончания архитектурного института и двухлетней работы на Метрострое назначенного в 26 лет главным архитектором Полтавы, ставшего в последствии инициатором и автором проекта воссоздания усадьбы Гоголей в селе Васильевка „близ Диканьки“. Архитектор становится первым директором музея, разработавшим не только проекты зданий и ландшафтного парка, но также музейную концепцию и заложившего основу коллекции. Нарратив культурной памяти стал основой личного развития и превращения „советского интеллигента в первом поколении“ в интеллигентного проводника русской культуры в советской провинции.
Ключевые слова: воссоздание памятников культуры; личностный рост хранителей культурной памяти.

V. L. VAINGORT

*Dr. habil. in Economics, Member of the Board
Baltic Institute of the Housing Economy and Policy*

THE CROSSING OF THE FATES OF THE PROVINCIAL ARCHITECT AND THE CULTURAL HERITAGE OF POLTAVA IN THE 1930-1980S

The report examines the transformations of the urban environment of Poltava, the center of which was designed at the beginning of the 19th century “small Petersburg” (including buildings, monuments, urban planning solutions). In the fall of 1943, the retreating Nazis completely destroyed the city. In a difficult discussion about the restoration of Poltava, the point of view of its chief architect (who held this post from 1938 to 1971) prevailed about the restoration of all monuments, freeing the historical center from recent additions (he was actively supported by Fyodor Oleinik, the chief architect of the restoration of the Pavlovsk Palace on the same principles)... The priority of historical memory was preserved through the efforts of the same architect during the further development of the city, especially in the areas surrounding the restored house-museums of Korolenko, Kolyarevsky, Panas Mirny. At the same time, the development of the architect himself was going on: a guy from the Poltava suburb, who grew up in the family of a worker of a spinning factory, after graduating from an architectural institute and two years of work at Metrostroy, appointed chief architect of Poltava at the age of 26, who later became the initiator and author of the project for the reconstruction of the Gogol estate in the village of Vasilyevka “near Dikanka”. The architect becomes the first director of the museum, who developed not only the projects of buildings and the landscape park, but also the museum concept and laid the foundation for the collection. The narrative of cultural memory became the basis for personal development and the transformation of the “Soviet intellectual in the first generation” into an intelligent conductor of Russian culture in the Soviet province.

Keywords: recreation of cultural monuments; personal growth of the keepers of cultural memory.

Предмет настоящего исследования: взаимовлияние и взаиморазвитие исторически значимого города и архитектора, занимавшегося сбережением и воссозданием утраченного городского культурного наследия.

Объект исследования: взаимосвязь биографии города Полтавы середины XX века и биографии её главного архитектора.

Город. Начало. Самое яркое событие в биографии Полтавы произошло 27 июня 1709 года, когда её именем (дотоле мало кому известному) назвали битву, ставшую поворотной в истории двух государств: России и Швеции. Имя города впоследствии стало также именем военных кораблей, улиц, воинских соединений, однако в самой Полтаве почти за сто лет после битвы мало что изменилось. Разве что, разрушили подгнившие деревянные крепостные стены (поскольку город потерял всякое военно-стратегическое значение).

„Название славное Полтава“ вновь зазвучало в 1802 году, когда малороссийский губернатор — князь Алексей Борисович Куракин добился

разделения Малороссии на две губернии, одной из которых стала Полтавская (с губернатором Куракиным во главе).

На выбор Полтавы в качестве центра новой губернии повлияло стремление князя Куракина (одного из самых крупных государственных деятелей периода правления Александра I, Алексей Борисович Куракин (1759—1829) пользовался особым расположением императора Александра I. После службы губернатором малороссийским и полтавским (1802—1807) с 1807 по 1810 год — министр внутренних дел Российской империи, а с 1811 года член Госсовета и с 1821 года председатель департамента Госсовета по государственной экономии.) широко отметить 100-летие Полтавской битвы. Он понимал неизбежность втягивания России в охватившие Европу наполеоновские войны и считал необходимым поднять уровень патриотических настроений в российском обществе.

„Полтава — малый Петербург“ — так сформулировал губернатор Куракин основную идею проекта превращения Полтавы в губернский центр. Это его выражение встречается в многочисленных исследованиях, посвящённых истории и архитектуре Полтавы, но при этом их авторы не замечают, что Куракин пёлся не о распространении на губернский город столичного „шика-блеска“, а — опережая время — задумал (впервые в российской и даже европейской градостроительной практике) создать новую Полтаву, как целостный город-памятник „Петровской виктории“. Незамеченной осталась идеологическая рифма: Петербург появился в результате победоносной Полтавской битвы, а центр новой губернии появляется в результате расцвета российско-петербургской империи.

Князь Куракин не стал развивать существовавшую городскую структуру, а отступил от неё в чистое поле, где создал основу совершенно нового города с похожей на петербургскую радиально-кольцевой градостроительной схемой — семью лучами-улицами, расходящимися от Круглой площади, центр которой должен был украсить Монумент Славы. Для застройки нового города устанавливалась единая „небесная линия“ — ни одно здание не должно было быть выше фигуры орла на Монументе Славы. К созданию города-памятника (проектирования зданий и монументов) привлекались самые известные петербургские архитекторы — работавшие в стиле русского классицизма: Захаров, Казаков, Руска. Руководить реализацией, по тем временам огромного градостроительного проекта пригласили Михаила Амвросимова (воспитанника московской архитектурной школы М. Казакова), который занимался этим, практически, на протяжении всей своей жизни. Понятно, к 100-летию битвы появилось только несколько монументов, а застройка Круглой площади в основном осуществилась к 1817 году (110-летию Полтавской битвы), когда Полтаву посетил Алек-

сандр I. Созидание „Полтавы — малого Петербурга“ вышло за пределы XIX столетия. Некоторые здания были достроены к 200-летию юбилею битвы (когда в Полтаву приехал на празднества Николай II).

Всё это архитектурное великолепие исчезло с лица земли, превратившись в руины и груды битого кирпича в сентябре 1943 года, когда отступавшая гитлеровская военная машина методично уничтожила город в соответствии с тактикой „сожженной земли“.

Архитектор. Полтаву освободили 23 сентября 1943 года, а уже в середине октября в город вернулся главный архитектор, назначенный на эту должность перед войной — осенью 1938 года. Тогда он был типичный выдвигенец из рядов новой, т. н. советской интеллигенции.

Выходец из социальных низов (мать-одиночка работница Полтавской ткацкой фабрики, снимавшая жильё на рабочей окраине), окончивший сначала Полтавский автодорожный техникум, а потом: синеблужник, отличный чёточник, активист — по комсомольскому набору поступивший и закончивший Харьковский архитектурный институт и по комсомольской же путёвке отправившийся в Москву на метрострой. Через три года, в 26 лет назначен главным архитектором Полтавы.

В книге воспоминаний „Записки провинциального архитектора“ он с юмором рассказывает о предвоенном трёхлетнем руководстве „архитектурой“, а так же об уходе из города всего руководства с последней оборонявшей Полтаву осенью 1941 года воинской частью и возвращении в октябре 1943 года, практически сразу после её освобождения. На месте Полтавы оказалось сплошное пространство, засыпанное битым кирпичом, среди которого одинокими чёрными пиками торчали остовы сгоревших зданий. В упомянутой книге автор описывает, как в управлении главного архитектора Полтавы подготовили схему уничтоженных строений — заливая на карте города сгоревшие кварталы чёрной тушью. Центр Полтавы предстал сплошным чёрным пятном (обгорели даже скверы и парки). Редкие жители обитали в подвалах и землянках. Сам архитектор вселился в уцелевшую половину одноэтажного дома (вторая половина которого была воронкой от неразорвавшегося артиллерийского снаряда) [3; С. 78].

Сразу после освобождения города началось обсуждение: какой должна стать послевоенная Полтава. Именитые киевские архитекторы предложили „очистить площадку“ и, сохранив радиально-кольцевую структуру, построить „социалистическую Полтаву“, застроенную зданиями вроде тех, что уже возводились в Киеве на Крещатике. Специалисты украинской академии архитектуры предложили другой проект восстановления исторически и художественно ценных зданий с надстройкой этажей (чудом сохранившийся орёл на колонне Славы заглядывал бы в окна четвёртых-пятых этажей домов, которые выросли бы по периметру Круглой площади). Группа полтавских архитекторов отстаивала проект скрупулёзного воссоздания „Полтавы — малого Петербурга“. Надо отдать должное властям города и области — победил полтавский проект. В немалой степени помогла экспертиза ленинградских зодчих, которые тогда же, отринув упреки в создании „новоделов“, занимались воссозданием уничтоженного культурного наследия знаменитых пригородов Ленинграда. Судьба связала дружбой главного архитектора Полтавы с

легендарным главным архитектором восстановления Павловска Фёдором Олейником (тоже выпускником Харьковского архитектурного института). Что двигало этими людьми? Потрясение от увиденного, оскорблённое профессиональное достоинство, стремление к исторической справедливости?

Город создаётся заново. На рис. 1 видна полностью воссозданная Круглая площадь Полтавы с Монументом Славы (архитектор Тома де Томон, скульптор Щедрин) [2]. Но это не совсем тот вид, который можно увидеть на старых открытках. И многие монументы с их окружением не похожи на открыточные изображения начала XX века из серии „Привет из Полтавы“. „Сотри случайные черты“, — писал Блок. Так поступили и полтавские архитекторы. Убрали не только столбы с проводами или многочисленные киоски (наследие НЭПа). Сняли достройки, которых не было на проектах петербургских архитекторов, и заполнили некоторые лакуны зданиями, которые желал видеть Амвросимов, но для них в XIX в. не нашлось инвесторов. Так появился в кругу воссозданных памятников дом главпочтамта (реплика, в точности воспроизводящая стиль не только фасада, но также интерьеров других зданий на Круглой площади, возведённых в первой половине XIX в.). Более того, на лучевых улицах убрали выросшие там промышленные предприятия (заменяя их, в основном, скверами со стилизованными решётками). Когда туристы, оказавшись в Полтаве, воспринимают её как чудом сохранившийся город XIX в., они видят всё-таки развитие идей первоначальных её создателей, а не город, каким он был до начала Великой Отечественной войны.

Рис. 1. Круглая площадь Полтавы с Монументом Славы

Особенно радикально поступили архитекторы воссоздававшие город с разного рода постройками, образующими фон монументов их среду. „Понимаешь, — говорил главный архитектор автору этого исследования, — площадки около монументов покрывали гранитной мостовой и лабазникам было выгодно пристроиться рядом: экономили на мощении, поскольку улицы за пределами лучевых почти до середины XIX века оставались грунтовыми“. Благодаря такой очистке „заиграл“ оригинальный памятник на месте отдыха Петра после битвы (рис. 2), как и памятник коменданту Полтавы полковнику Келину. А фигуру Петра I, работы Карла Адамсона, заказанную и установленную первоначально в холле Кадетского корпуса, вообще перенесли к созданному в 1950-х годах музею Полтавской битвы (рис. 3). Но главной гордостью архитекторов Полтавы было то, что они не пустили в историческую часть города панельное жилищное строительство (этим же гордился главный архитектор Таллина Дмитрий Брунс), что было очень непросто. Таким образом город, развиваясь, как будто рос в прошлое.

Рис. 2. Памятник на месте отдыха Петра I после битвы

Перенося прошлое в будущее (сейчас это называется „охраной исторического наследия“) полтавские архитекторы, сами того не замечая, менялись тоже, поскольку невозможно было воссоздавать архитектурные шедевры XIX века без скрупулёзного исследования той эпохи и её людей. Невозможно было также помимо собственной воли избежать сравнений не только профессионально-архитектурных (вчера и сегодня), но и сравнений обстоятельств жизни. В 1950—1960-х годах как некая фронда (вполне безобидная) воспринималось, что главный архитектор города не имеет служебного автомобиля, а обходится служебным фаэтоном (зимой — конными санями), и в штате его управления находится не шофёр, а конюх, соответственно, списывается не бензин, а овёс. Фаэтон был не единственной отличительной чертой архитектора (входившего в городскую начальственную номенклатуру). Станным для „начальника“ его уровня было и его окружение: реставраторы (квалифицированные рабочие), фотографы, городские старожилы и выжившие, не смотря на все удары судьбы, бывшие земские чиновники... Ещё более странным было проведение им досуга во время командировок в „столицы“: каждую свободную минуту он проводил в архивах и библиотеках (хотя человек был компанейский и легко становился душой любой компании). К началу 1970-х годов главный архитектор Полтавы стал не только известным в кругу наиболее известных советских реставраторов, хранителей архитектурного наследия, но также историков архитектуры (автором книги о памятнике Славы). И всё-таки это был профессиональный рост.

Рис. 3. Памятник Петру I у Музея „Поле Полтавской битвы“

Метаморфоза личности. Думаю, отстояв идею воссоздания „Полтавы как малого Петербурга“ главный архитектор не представлял даже в малой степени, с чем ему придётся столкнуться. Прежде всего, он и его коллеги превратились в исследователей истории города и его архитектуры (при том что все городские архивы сгорели, а что успели вывезти — в Полтаву не вернулось). Неделями полтавчане, возвращавшие город к жизни, работали в архивах, музеях и публичной библиотеке Ленинграда. Союз архитекторов Полтавы заключил договор о шефской помощи с ленинградским отделением Союза архитекторов и надо отдать должное — помощь ленинградцев была существенной. Чтобы прорисовать деталь интерьера любого воссоздаваемого здания, приходилось искать чертежи аналогичного по назначению и времени постройки петербургского дома того же автора, а если чертежей не было — заниматься обмерами и зарисовками деталей.

Информацию находили в литературных источниках, дневниках, мемуарах и личных архивах полтавчан и в городе и за его пределами — которых надо было сначала найти, а затем ещё и обаять. Обаять и уговорить приходилось также начальство всех уровней и рангов (особенно идеологическое). Книга „Записки провинциального архитектора“ полна историй об отношении архитектор — власть. Некоторые сегодня воспринимаются как анекдоты. Не могу удержаться, чтобы не привести, например, историю с закладным камнем анонсирующим будущее сооружение областной библиотеки.

„9 сентября 1969 года Полтава пышно отмечала 200-летний юбилей Ивана Петровича Котляревского. По сценарию после открытия возрожденного из небытия дома, где появился на свет и жил писатель, должна была состояться закладка камня с надписью «Здесь будет построена библиотека имени Котляревского». В торжественной закладке камня была своя хитрость. Поскольку в открытии усадьбы и установке камня принимал участие заместитель председателя Совета Министров Украины П. Т. Тронько — начальство полтавское, не без оснований, полагало, что действо с закладкой камня поможет включить в планы на следующую пятилетку Полтавскую библиотеку. Место для неё выбрали у краеведческого музея и, естественно, туда привезли обработанный гранитный монолит. Благоустройство вокруг камня сделали заранее, а доску с надписью должны были прикрепить за день до события рано утром. Я утром пришел на место и с ужасом увидел, что случилось невероятное, — камня нет. Кто мог утащить за ночь двухтонный гранитный монолит? Взволнованный, доложил начальству о страшной, как мне казалось, беде. Но мэр довольно рассмеялся: «Мы вас не успели предупредить. Вчера в конце дня решили не бегать вместе с Тронько по всей Полтаве и не проводить два митинга.

Сделаем все в одном месте. Откроем усадьбу и тут же рядом откроем камень». На мои возражения, что строить библиотеку там не удастся, председатель горсовета возразил: «Да не волнуйтесь вы так. Никто и не решил там строить библиотеку. Сейчас главное быстро и красиво митинг провести. А с библиотекой будет видно. Время еще есть. Решим, где строить. Вместе с вами и решим» [3; С. 67].

Впрочем, анекдот с „переносным камнем“ касался руководства города периода застоя (когда „в начальство“ попадали фигуры проходившие „отрицательный отбор“). А в годы воссоздания культурных ценностей порушенных войной роль специалистов была значительнее. Слишком трудное было время и сближало членов руководящих команд недавно совместно прожитое военное прошлое. Сложность задач восстановительного периода требовала людей с жёстким, а не гуттаперчевым позвоночником.

Рос город. Росли люди, подымавшие его из руин. У архитекторов на основе открывшегося им мира трудов предшественников развивалось совершенно новое чувство истории и нестандартное для „советского интеллигента“ отношение к прошлому. Особенно это становилось заметно в связи с реставрацией мемориальных музеев полтавчан-литераторов и художников.

Полтава как литературное гнездо(Впервые формулировка „литературное гнездо“ появилось в изданной в 1928 году книге Н. Пиксанова „Областные литературные гнёзда“ [4].), из которого в мир большой литературы вылетели: Гнедич и Гоголь, Котляревский и Панас Мирный. В Полтаве жил и умер Короленко. Подолгу у своего брата — земского статистика гостил Бунин, находился в ссылке Илья Эренбург, имел романтическую историю Горький. В полтавском пединституте учился Макаренко и недалеко от города была основана им первая колония (о которой „Педагогическая поэма“).

В литературно-музейную работу главный архитектор города непосредственно включился в связи с восстановлением дома-музея Владимира Галактионовича Короленко (сожжённого квартировавшими в нём во время оккупации немецкими офицерами). По настоянию дочери писателя — Софьи Владимировны главный архитектор Полтавы не только руководил реставрацией здания, но и стал автором надгробия писателю, прах которого был перенесён с городского кладбища на тихую поляну в городском саду, рядом с домом-музеем.

Свидетельствую: мировоззренческим потрясением стало для архитектора чтение переписки Короленко с Луначарским (сохранившейся в семейном архиве писателя и опубликованном только во время перестройки), как и всё общение с дочерью Короленко, а также сыном классика

украинской литературы Панаса Мирного (чей дом также превратился в мемориальный музей). Мир советской музейной культуры совершенно отличается от других видов творческой деятельности. Тем более, музейный мир 60-х годов, когда с лёгкой руки создателя Музея Пушкина на Арбате в Москве Крейна литературный музей перестаёт быть собранием артефактов, а начинает жить по законам сценографии. Следом за этим музеем по тем же принципам оформляется Музей Маяковского на Лубянке и многие другие, вплоть до нынешнего Театрального музея в Петербурге. Такие музеи требуют не только творческого воображения от создателей, но и широкой их эрудиции. Полтавские музеи Котляревского, Короленко, Поля битвы той же породы и участие главного архитектора в их создании требовало от него наращивания личного и личностного развития.

„Гоголевский период“ в реанимации полтавского культурного наследия стал поворотным в биографии архитектора, сменившего после 1971 года административную должность на преподавательскую (доцент кафедры архитектуры в Полтавском техническом университете) позволил ему „вернуть должок“ — с группой студентов разработать проект восстановления родовой усадьбы Николая Васильевича Гоголя недалеко от Полтавы „близ Диканьки“. Мало того, что появился студенческий проект. Доцент провинциального университета смог создать первый в мире музей Гоголя (дом-музей Гоголя в Москве стараниями энтузиастов появился позже). Кто хоть немного представляет советскую плановую систему, понимает какие усилия должны были быть приложены, чтобы в пятилетних и потом в годовых планах появилась строка о выделении средств на сооружение музейного комплекса (со всей необходимой инженерно-технической системой: водоснабжением, канализацией, энергоснабжением) на пустом месте, где сохранился только холм, а за дорогой ведущей к Полтаве находилась (за ржавой оградой) могила родителей писателя.

В книге „Записки провинциального архитектора“ автор описывает первое своё посещение села Васильевка (где располагалось уничтоженное в 1943 году отступавшими гитлеровцами имение Гоголей-Яновских) таким образом: „Помню, вышли из машины посреди пустого холма. Вокруг — пустыня. «А где же люди?» — спрашиваю у провожатого. «Люди зараз будуть», — отвечает. И бьет в рельс, привязанный к дереву. Вдруг, откуда-то из-под земли появляются люди. Все село жило в землянках. Не осталось там ни одной хаты. Тогда мы ограничились установкой памятного знака на месте гоголевских пенат. Потом много раз бывал на том месте. Село потихоньку восстанавливалось. А на холме, где стоял дом Гоголей и располагался их парк, рос один только репейник (будяки, как говорят в тех местах). Фантастические будяки. Я таких не видел нигде — выше человеческого роста. Будяки, пруд и дух над водой. Дух Гоголя“ [3; С. 70].

Заметим, никаких особых связей „в верхах“ у отставного главного архитектора не было. И действовал он на свой страх и риск, разрабатывая проект воссоздания гоголевского имения абсолютно без какого-либо финансирования, но сумев организовать широкую общественную поддержку со стороны писателей и учёных. Сторонниками идеи стали Игорь Золотуский и Даниил Гранин. Олесь Гончар и Борис Олейник. А в газете „Советская культура“ специальный корреспондент Елена Брускова ввела даже специальную рубрику по отслеживанию движения проекта [1; С. 309].

И ведь речь шла не только о техносистемах, обустройстве прудов и парка, но также о будущей экспозиции литературно-мемориального музея, для которой в полтавских музейных фондах не было ровным счётом ничего. Инициатор проекта сумел добиться финансирования не только для строительных работ, но и для создания дирекции музея. И первым его директором, не только на время строительства, оборудования и создания экспозиционной базы, стал бывший главный архитектор Полтавы к тому времени имевший опыт восстановления города, известный так же как специалист в сфере реставрации культурного наследия.

Общий вид существующего музея-заповедника показан на рис. 4. А на рис. 5 видны интерьеры господского дома и интерьер помещения во флигеле, где, собственно, и жил Гоголь во время своих приездов „домой“ (другого своего постоянного жилья у писателя не было).

Рис. 4. Общий вид существующего музея-заповедника

Рис. 5. Интерьер помещения во флигеле

Гоголевская линия вполне вписалась в общую биографию Полтавы как малого Петербурга. Потому, что именно Николай Васильевич Гоголь создал в русской литературе два мифа: украинский — очень мало имевший общего с реальной современной ему Малороссией; и петербургский — столь же далёкий от реалий столицы николаевской России. Третий миф (содержащийся в гоголевских письмах) касался жизни самого писателя. В частности, между его многочисленными указаниями в письмах матери по поводу развития дома и усадьбы в селе Васильевка и реальностью имели место многочисленные зазоры. Во всём этом предстояло разбираться создателю музея. А работа в качестве собирателя музейной экспозиции (наряду с руководством стройкой) стала важным этапом в биографии самого архитектора, постигавшего „на ходу“ огромный массив научных работ, связанных с творчеством и жизнью его великого земляка.

Штрихи к биографии непрофессионала. Прочитую только один фрагмент из книги „Записки провинциального архитектора“ о казусе (одном из многих) возникшем по ходу создания гоголевского мемориального комплекса: „Введя реконструкцию имения, мы не могли не восстановить могилы родителей. Тем более, что фотографий хватало. На них ясно был виден литой крест с распятием на гранитном пьедестале. Так и сделали. Крест из бронзы установили на гранитный блок. На кресте — рельеф рас-

пятого Христа. А когда завершилось устройство металлической ограды вокруг могилы, республиканскому и областному руководству поступило письмо от бывшего учителя о «страшной крамоле»: «Куда смотрите?! Над могилой православных родителей Гоголя установили крест с католическим униатским распятием Христа!» Дело в том, что фигура Христа была изваяна пригвожденной не четырьмя гвоздями, то есть по гвоздю в каждой руке и ноге, а тремя гвоздями, из которых по одному — в руки и один — в скрещенные ступни ног, что соответствовало католическим канонам. Надо признаться, мы — авторы реставрации — не только не знали этих деталей, но не придали бы им внимания, если бы и знали. <...> Выяснилось, что скульптор добросовестно отнёсся к порученному делу и по гравюру Микель-Анджело выполнил горельеф со скрещёнными лодыжками ног, прибитых одним гвоздём. Микель-Анджело изобразил каноническое католическое распятие, а скульптор, как безбожник, выполнил работу по наиболее авторитетному, на его взгляд, источнику. Завертелась переписка. Мы с заместителем областного управления культуры были вызвана в республиканское управление по делам культов, где от нас потребовали заметить изображение Христа на православное. Угрожая тем, что иначе можем лишиться партийных билетов. Неясной для меня оставалась только возможная формулировка партийного взыскания — за искажение образа Христа, что ли? И сейчас я иногда беру старые фотографии надгробия и пытаюсь высмотреть — как оно было тогда на самом деле» [3; С. 72].

Биография города и биография личности. Сейчас на доме, где почти полстолетия прожил мой отец — архитектор Лев Вайнгорт — установлена мемориальная доска. Родившийся в 1912 году в Варшаве, детство и юность которого прошли в Полтаве, прямо скажем, далеко не в самой культурной среде, молодым специалистом занявший должность главного архитектора Полтавы. Оправдавший это назначение работой по воссозданию погубленного войной культурного наследия, созданного трудами великих предшественников, сумев совместить ежедневную работу с исследовательской деятельностью, он рос в интеллектуальном и личностном смысле вместе с ростом города как „малого Петербурга“. А на закате жизни успел ещё воссоздать родовое имение Гоголя „близ Диканьки“ с помощью дружеских связей с широким кругом писателей, художников, реставраторов последних десятилетий советской империи. Его судьба не была уникальной. Такими же были герои книг советских писателей, чувствующих время: „Картины“ Гранина, „Собора“ Олеся Гончара. Литературные герои и их реальные прототипы к середине 60-х годов созрели для социального творчества. Но жизнь не дала им такого шанса. Их личные судьбы переплелись с судьбами культурного наследия: городов, музеев, создания

позднесоветской бумажной архитектуры. Они спасли культурное наследие, передав эстафету дальше. Сейчас выяснится кому?

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнгорт В. Л. Историческая и культурная правомерность и значимость воссоздания исчезнувших памятников (на примере восстановления усадьбы Гоголя «близ Диканьки») / Сохранение памятников изобразительного искусства и культуры. Исследования и реставрация. Материалы III Международной научно-практической конференции: Санкт-Петербург, 16–19 ноября 2018 г. – СПб: Чистый лист. – 2019. – С. 12–18.
2. Вайнгорт Л. С. Монумент Славы в Полтаве. – К. : Гос. изд-во лит. по стр-ву и архит. УССР. – 1959. – 18 с.
3. Вайнгорт Л. С. Записки провинциального архитектора / Провинциальный архитектор. Материалы к 100-летию Л. С. Вайнгорта. – Полтава: Дивосвіт. – 2012. – С. 8–84.
4. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. – М.; Л.: ГИЗ. – 1928. – 148 с.

REFERENCES

1. Vayngort V. L. Istoricheskaya i kul'turnaya pravomernost' i znachimost' vossozdaniya ischeznuvshikh pamyatnikov (na primere vosstanovleniya usad'by Gogolya «bliz Dikan'ki») / Sokhranenie pamyatnikov izobrazitel'nogo iskusstva i kul'tury. Issledovaniya i restavratsiya. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: Sankt-Peterburg, 16–19 noyabrya 2018 g. – SPb: Chisty list. – 2019. – pp. 12–18.
2. Vayngort L. S. Monument Slavy v Poltave. – K. : Gos. izd-vo lit. po str-vu i arkhit. USSR. – 1959. – 18 p.
3. Vayngort L. S. Zapiski provintsial'nogo arkhitekora / Provintsial'nyy arkhitektor. Materialy k 100-letiyu L. S. Vayngorta. – Poltava: Divosvit. – 2012. – pp. 8–84.
4. Piksanov N. K. Oblastnye kul'turnye gnezda. – M.; L.: GIZ. – 1928. – 148 p.